

Хороший человек из Кафана

Генеральная Ассамблея ООН объявила 18 декабря Международным днем мигранта шесть лет назад. Именно в этот день в 1990 году мировое сообщество приняло конвенцию о защите прав переселенцев и их семей.

После распада СССР проблема беженцев встала ребром и в России. Согласно данным управления Федеральной миграционной службы по Ярославской области, в наших краях сейчас около четырехсот вынужденных переселенцев – с Северного Кавказа, из стран СНГ и от шести до десяти тысяч нелегалов. Про каждого из них можно сказать: живет на птичьих правах. Об их судьбах не раз писал «Северный край». Вот еще одна история – человека, силой обстоятельств выбитого из жизненной колеи и рискнувшего вдаль от дома бросить им вызов.

МЕДНАЯ ТЕМА

Хозяин угощает зеленым чаем с финиками, разливает его по чашкам со словами:

– Извините, сам я вегетарианец.

Что мы ожидаем увидеть на чайном столе уроженца Армении? Если не бутылку коньяка, то уж фирменную, с красноватым отливом медную кофеварку из Еревана – обязательно. В советские времена их разве что по большому благу доставали. Не имеется таковой у мигранта Гагика. Нет и намека на кофе во фруктово-зерновом меню скульптора Алексаняна.

А вот «медная» тема близка ему от рождения. Он как раз родом из того самого Кафана, где плавят медь со времен дореволюционных иностранных концессий. В поколениях тамошних горняков и металлостов ходит молва о том, что в далеком Кафане имели какой-то коммерческий интерес предки генерала де Голля.

Фото Вячеслава ЮРКСОВА

Но что нам до легендарного француза? Какие беды и обиды – вот вопрос – занесли так далеко от дома Гагика, этого неупутевого сына механика медеплавильного комбината?

Вспоминает Гагик, как в лихую годину перестроечного раздора скрепя сердце рубил он на дрова рошу за городом. Стояла стужа, от обогревателя было не согреться, электричество включали часа на два в день.

«Экологически чуждый объект», навязанный Москвой – атомную станцию в Октябре не закрыли. Горячие головы поспешили отметить это как боль-

шую победу независимой Армении. Энергетики затянули пояса. Встали заводы, погасла литейка в Кафане.

Так и пошел у кафанцев на растопку тот красавец горный дубняк. Кто-то мебелью печки топил, а некоторые книголюбы – литературой с домашних книжных полок. Хуже, как вспоминает Гагик, что душу зазнобило. Полный светлых надежд, он только что шагнул за порог театрально-художественного института. Его по-отечески провожал в жизнь Мастер – народный художник, автор знаменитого монумента в Ереване «Мать-Ар-

мения» Ара Арутюнян.

Но завертелась тотальная нескладуха, будто сам состав воздуха изменился вокруг. Из всех углов понесло душным чадом барахолки. Дня за три на погребальных услугах нетрудно было срубить куш, равный месячной зарплате служащего. Но все же – будет сказано не в обиду близким тех, кто навсегда покинул наш лучший из миров – то была все-таки шабашка. В отсутствие госзаказа искусство осталось не у дел, теперь-то мы знаем, что не в одной Армении – по всей бывшей советской империи.

АПОСТОЛ ПЕТР, СПАРТАК И ДРУГИЕ

Однокашники кинулись врассыпную. У кого нашлись «подъемные», уехали за границу. После того, как не вышло у Гагика переждать непогоду в должности сельского учителя, расхрипался он и сыграл ва-банк. Друг Вартан, классный кибернетик, помог ему из Норвегии с визой. Но видно, не судьба была скульптору из Кафана стать жителем страны викингов.

Заработал двести зеленых, улетел в Москву. Но пока в Скандинавию собирался, поменялось

наше законодательство о выезде за рубеж.

От приглашающей стороны теперь – под угрозой серьезного штрафа – требовали гарантий, что гость едет не насовсем. Дать их за глаза, не зная планов на вострившего к ним лыжи переселенца, хладнокровные норвежцы поостереглись. И остался Алексанян в Москве златоголовой, как витязь на распутье.

Поехал проведать в Ярославле младшего брата Григора. Пришел на фирму ритуальных услуг, поступил временным форматером и литейщиком. Брался за любую работу, все делал как привык – чисто и быстро. За прилежание получил койку в рабочем общежитии на «пятерке».

Пару заказов сделал вместе со скульптором Александром Зверьковым. Дальневосточник тот лучше других понимал душу скитальца. Да и видел же Алексанян изделие может довести с нуля до готовой отливки в бронзе. А какой же он был бы армянин, если бы не чувствовал камня как гитарист струну? И какой бы он был кафанец, ежели бы не умел определить готовность металла в тигле по цвету?

Станный кафанец к большим барышам не стремился, но, зная деньгам счет, на собственную печку полторы тысячи долларов накопил-таки. Поставить ее разрешили в цехе фирмы, что его приютила – уважили хорошего человека.

Как-то все тот же Зверьков по-дружески посоветовал: вступи в Союз художников, дескать, пора тебе. Подсказал: смог бы тогда попытаться взять в аренду мастерскую уехавшего в столицу скульптора Трейвуса.

Ценному совету Гагик последовал. В творческий союз его приняли с первого захода. Получилось и с мастерской. Угловым жильцом в Доме художника на улице Лисицына новосел теперь себя не чувствует, благодарит цеховое братство за гостеприимство: арендную плату берут с него по-божески – тысячу целковых в месяц.

(Окончание на 3-й стр.)

Хороший человек из Кафана

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

ПОМЕНЯЛ АВТО НА ВЕЛОСИПЕД

– Поговорим о чем-нибудь поинтересней, – предложил наш собеседник.

Ремесло свое, судя по всему, он крепко держит в руках. Это то и есть самое интересное. На стеллаже у него – монографии о Делакруа, Врубеле, Рерихе, альбом (с автографом «Гагику от Георгия») его земляка, московского скульптора Франгуляна, автора памятника Булату Окуджаве на Арбате. Прогремевшего на весь белый свет одиозного столичного колосса по имени Петр I работы Церетели Гагик азартно покритиковал. Гораздо больше по душе ему веселый, круглолицый Петр с широко расставленными ногами от Франгуляна – не у нас, правда, стоит, а в Голландии.

Новинки самого Гагика на разных стадиях готовности рассматриваем мы, не прерывая чаепития. Его профиль – малая пластика, скульптура настольная и накаминная, легко умещается на полках и тумбочках. Все они тут с нами, его герои: апостол Петр и сам Спаситель в терновом венце; Георгий Победоносец, убивающий змея; раб Спартак с его бесстрашным порывом к свободе.

Ждет резца кусок белого мрамора, похожий на голову скакуна, закусившего удила. А «Охоту» хоть сегодня на выставку – перед прыжком напружинила лапы бронзовая львица. Показывает эскиз к портрету Николая Рериха. Было дело: в Ярославле Александян с его давним интересом к восточной философии получил приглашение в интернациональную бригаду –

украшать новый храм в Дели. Восемь месяцев вместе с итальянцами, чехами, американцами лепил-формовал барельефы и круглую скульптуру с ликами богов и святых.

Предлагали остаться. Прикинул, что и как, и отказался. Ярославль «перевесил» столицу Индии. А вот с книгами Рериха, с практикой йоготерапии Гагик с тех пор накрепко задружил. Извлек для себя оттуда рациональное зерно. Правоверный трезвенник и вегетарианец, учится держать тело и душу в строгости. Немногочисленные ярославские знакомые Гагика подтвердят: тем и живет этот чудак-человек.

Как отпетый йог, страха не знает. А чего бояться тому, кто врагов не ищет? Встает в четыре утра. Общественным транспортом не пользуется. Круглый год на ходу у него два велосипеда. Один горный, с широкими шинами. Устойчивый, но все-таки тяжеловатый. На авто ездил, недавно продал. Зато купил второй велосипед, легкий, дорожный. На снегу не «поскользнется». За семь минут в мастерскую с «пятерки», не напрягаясь, доезжает.

Чего ему не хватает? Только одного: времени. В чем остается армянином? Не спасовал и перед таким вопросом: акцент, дескать, слышите? Уверяет, что строит фразу сперва по-армянски, затем мысленно переводит ее на русский. Якобы оттого и не может пока что от акцента избавиться.

Последний наш самый каверзный вопрос насчет возвращения домой постарался аккуратно объехать по кривой. Посмотрел куда-то за окно: зачем, мол, торопиться, если здесь вокруг так много добрых людей?

Юлиан НАДЕЖДИН.